

Пролог

Следователь шумно выдохнул и отворил дверь в кабинет начальника Минского РОВД.

— Разрешите, товарищ подполковник?

— А, Пыткин¹, — оторвался от бумаг начальник. — Заходи.

— Вызывали? — спросил следователь, подходя ближе.

— Вызывал, — подтвердил подполковник. — Ты чего, Пыткин, дела тянешь? Почему не закрываешь вот это с тремя трупами, что под Минском нашли? — он постучал пальцами по лежавшей перед ним толстой папке.

— Не все обстоятельства дела расследованы полностью, — попытался оправдаться следователь.

— Какие еще обстоятельства?! — взвился подполковник. — Трое эзков купили «Волгу», выехали на ней за город, где сели обмыть покупку. Выпили, поругались, одному дали по голове бутылкой, отчего тот отбросил копыта. Поняв, чего натворили, выпили еще и сами сохли. Ну так не спортсмены ведь, сердца изношены.

---

¹ Это не фантазия автора. В белорусской милиции советского периода служил следователь по фамилии Пыткин. Бывает... (Прим. авт.).

Заключение медэксперта читал? Смерть наступила по естественным причинам, внешнего воздействия не обнаружено, — процитировал начальник. — Кроме первого, которого стукнули. Так там все ясно: есть бутылка, на ней — следы крови и отпечатки пальцев. Чего кота за хвост тянешь? Да еще уголовный розыск замучил своими поручениями. Нам прокурорские не для того дело передали, чтобы ты из себя Шерлока Холмса изображал.

— Там был четвертый фигурант, — попытался оправдаться следователь. — Обнаружен отпечаток обуви, не совпадающей с той, что нашли на трупах. Кроссовки «Адидас», сорок четвертый размер.

— Ну и что? — пожал плечами подполковник. — Кто-то обнаружил трупы раньше нас. Подошел, посмотрел и смылся от греха подальше. Ты же знаешь наш народ: не хотят в свидетели. По допросам затаскают.

— А вдруг сообщник?

— Не было у них сообщника, — нахмурился подполковник. — Уголовный розыск все поднял. В Минск приехали втроем, «Волгу» покупали тоже. Отпечатки пальцев внутри машины только их. А теперь скажи, Пыткин, сколько денег обнаружили на трупах и в машине?

— Свыше тридцати тысяч рублей, — вымолвил следователь.

— Ну и как думаешь, сообщник их оставил бы? — усмехнулся начальник. — Прекращай дурью маяться, капитан. Тут все ясно. Закрывай дело! Новый год скоро, а у нас «глухарь» висит.

— Так не ясно: деньги-то откуда? — сделал последнюю попытку следователь.

— Кооператора какого-то потрясли, — не замедлил с ответом подполковник. — Хрен ты его сейчас найдешь. От наших заявлений не поступало, а в России пыль замучаешься глотать в поисках. Пойдут в доход государства. Разговор окончен. Забирай дело, — придвинул папку, — и чтоб сегодня же закрыл.

— Есть, товарищ подполковник! — отчеканил следователь, взял папку и вышел из кабинета.

«Если вы встретите в нашей милиции хмурых людей с изможденными лицами, знайте, что это трудяги из следствия, службы тяжелой и очень ответственной!..»¹ — бормотал следователь, шагая к себе, строчки из популярного стихотворения, ходившего по рукам милиционеров.

С начальником Пыткин был категорически не согласен. Слишком много непонятого в деле. Например, почему эскизы пилы, не закусывая? В их вещах нашлись хлеб и колбаса. Впечатление такое, что кто-то заставлял. Рядом с трупами нашли обрез охотничьего ружья. И ведь что интересно... На всех обнаруженных там предметах отпечатков пальцев полно, на обресе — ни единого. Будто кто его в перчатках держал. А на эскизах перчаток не было. Как же так? И еще: допрошенные водители грузовиков видели неподалеку человека, бегущего вдоль дороги по направлению к Минску. Он был одет в импортный спортивный костюм и кроссовки. Плохо, что никто толком не разглядел «спортсмена» — темновато было. Отыщи его

---

¹ Автор Наталья Кольшонкова.

в миллионном городе!¹ Но отыскать все же хотелось. Побеседовать...

Дело Пыткин закрыл в тот же день — приказ есть приказ. Он так и не узнал, что это незначительное в масштабах страны событие обернулось серьезными последствиями.

В США скончался от рака миллиардер, известный некоторому кругу лиц под прозвищем Мистер Пи. Он давно стоял одной ногой в могиле — 96 лет человеку, но как-то ухитрился балансировать. Перенес несколько пересадок сердца и других органов. О его болезни знали, но полагали, что он выживет — до сих пор старику это удавалось. Потому кончина Мистера Пи застала всех врасплох — к ней не были готовы. На фондовой бирже воцарился хаос. Началось реформатирование рынка и политических центров силы.

Мистер Пи был самым авторитетным финансистом Америки. Его влияние на политический истеблишмент страны признавали даже враги. «Серый кардинал», как звали его в узких кругах, умер, не назвав преемника. За оставленный им трон началась война — невидимая, но жестокая. Зашатались кресла под высокопоставленными чиновниками администрации президента и руководителями Конгресса. Стали срочно сколачиваться блоки и объединения. Предстоящие выборы в Конгресс обещали быть интересными.

На этом фоне спешный отзыв из Москвы резидента ЦРУ и его последующая отставка остались не замечен-

---

¹ Подробности этого события — в романе «Малахольный экстрасенс».

ными публикой. Только несколько человек знали истинную причину немилости Лэнгли к своему сотруднику. Это по его вине скончался Мистер Пи — так сочли в штаб-квартире ЦРУ. Сам резидент вину категорически отрицал. Он-де приложил все силы для выполнения приказа: направил в Минск агентов, чьей задачей стало похищение и доставка в Таллин нужного Мистеру Пи целителя. Оттуда его переправили бы в Финляндию и далее — в США. Но агенты исчезли без следа — наверняка их перехватил КГБ. Резидент сформировал вторую группу, но отправить не успел — пришла весть о смерти миллиардера... В Лэнгли оправданиям не поверили, Даунинга выпихнули в отставку. Словом, страсти кипели.

Настоящий виновник событий обо всем этом не подозревал. Нарезая круги по лыжне в парке Горького в Минске, он радовался солнечному дню и морозам, сменившим надоевшую оттепель.

1

Шух, шух, шух, шух... Лыжи легко скользят по мягкому снежку.

В середине января 1991 года в Минске установилась настоящая зимняя погода. Мороз и солнце... Перед этим две недели было пасмурно, температура держалась около нуля. Выпавший в декабре снег слежался и напитался влагой — ходить по такому удовольствия мало. Накануне Крещения ударили морозы и посыпался снежок — мягкий и пушистый. Он припорошил деревья и кусты парка, превратив его в зимнюю сказку. Рассекать по такому снегу — красота. Да еще солнышко выглянуло. Хорошо просмоленные лыжи идут ходко. Монотонная работа рук и ног не мешает думать и вспоминать.

Со времени моего похищения бандюками минуло два насыщенных событиями месяца. Расскажу по порядку. Ну, во-первых, никто не связал смерть троих эзков в придорожном лесу близ Минска с целителем Мурашко. На меня никто не вышел и вопросов не задавал, хотя опасения были. Пронесло. А потом стало не до этого — затянула работа.

Эксперимент с чернобыльскими детьми переформатировал мое целительство. На успешный результат обратили внимание в Министерстве здравоохранения

республики. Для начала туда вызвали главного врача областной клиники, а потом пригласили меня. Состоялся непростой разговор с министром. Тот желал расширить практику, я не возражал, но выдвигал условия. После долгих споров ударили по рукам, и министр собрал в своем кабинете совещание в узком кругу. Он, я, главные врачи Минских областных взрослой и детской клиник плюс директор НИИ радиационной медицины в Аксаковщине под Минском. Институт после аварии на ЧАЭС специализировался на лечении заболеваний щитовидной железы.

— Значит так, товарищи, — начал совещание министр. — Как вам известно, в Минской областной клинике в Боровлянах уже несколько месяцев практикует наш известный целитель Михаил Иванович Мурашко, — он кивнул на меня. — До недавних пор он специализировался на лечении детей с ДЦП. Добился колоссальных успехов. Это не фигура речи — счет исцеленных детей пошел на тысячи. Но с недавних пор Михаил Иванович занялся онкологией. У Семена Яковлевича, — перевел он взгляд на главного врача областной больницы, — есть отделение, где лечат пострадавших от аварии на ЧАЭС детей. Михаил Иванович начал с них. Эксперимент прошел удачно. Его повторили несколько раз — результат тот же.

— Это вы серьезно? — удивился директор НИИ радиационной медицины.

— Более чем, — кивнул министр. — Три-четыре дня после биоэнергетического воздействия — и детей можно выписывать. В том числе и тех, кого ранее считали без-

надежными. Результаты неоднократно перепроверены. Исцеление полное. В связи с этим возникла мысль распространить практику и на другие медицинские учреждения. Онкологией болеют все дети, а не только те, что пострадали от аварии на ЧАЭС. Михаил Иванович любезно согласился помочь, причем, подчеркну, совершенно безвозмездно. Предлагается поступить следующим образом. Онкологическое отделение из Боровлян перевести в детскую областную клинику в Минск. Вместе с персоналом, естественно. Тот обладает необходимым опытом и знаниями. Вам, Сергей Сергеевич, — министр посмотрел на главного врача детской клиники, — придется сократить прием детей с другими заболеваниями — теми, которые не угрожают жизни. Мы перераспределим их по другим учреждениям. Возражения есть?

— Нет, конечно! — поспешил тот. — А Терещенко людей отдаст?

— Разумеется, — заверил Семен Яковлевич. — А вот отделение для больных ДЦП оставлю. Михаил Иванович будет приезжать к нам раз или два в неделю.

— Информирую, что своих больных с ДЦП мы практически исцелили, — пояснил министр. — Разумеется, тех, кого можно. Остаются пациенты из других республик, но, как понимаете, это не острая проблема. Об угрозе жизни речь не идет. Онкология куда более актуальна.

Собравшиеся за столом закивали.

— НИИ радиационной медицины сохранит свою специализацию, — продолжил министр. — Дети с поражением щитовидной железы.

— Почему только дети? — насутился директор.

— Таково условие целителя. Объясните, Михаил Иванович!

— Организм взрослого и ребенка по-разному реагирует на воздействие, — сказал я. — Проще говоря, чтобы исцелить взрослого, понадобится день, да не факт, что получится. А детей за это время могу исцелить до двух десятков.

— Сколько?! — изумился директор НИИ.

— Вы не ослышались, — подключился Терещенко. — Подтвержденный результат.

— Потому никаких взрослых! — продолжил я. — Менять жизни двух десятков детей на одну, пусть даже близкого кому-то человека, не собираюсь. Приметесь пихать блатных — развернусь и уйду. Таково мое условие.

— А еще полная секретность! — подключился министр. — Участие Михаила Ивановича в исцелении больных должно остаться тайной.

— Почему? — удивился директор НИИ.

— Потому что к нам повалят пациенты со всего СССР. Возле ваших учреждений встанут толпы. В этой ситуации Михаил Иванович откажется работать — он об этом предупредил. У него был случай, когда толпы встали у конторы, где он принимал пациентов. Случилось это после публикации статьи о нем в «Советской Белоруссии». Ажиотаж еле удалось погасить. Поэтому никаких публикаций — ни в газетах, ни в журналах. Персоналу прикажите держать рот на замке. Если кто рот откроет — уголовное дело о нарушении врачебной

тайны! Я добьюсь, чтобы его возбудили и довели до суда. За молчание будут премии — издам приказ. Разумеется, с другой формулировкой: за успехи в лечении онкологических заболеваний у детей.

— А еще добавим от моего кооператива, — подключился я. — Будем хорошо сотрудничать, не обижу.

— Удивительный вы человек, — покачал головой директор НИИ. — В первый раз слышу, чтоб платили за право исцелять. Почему-то у других наоборот.

Я усмехнулся и развел руками.

— Что будет делать персонал, — поинтересовался главный врач детской клиники, — если исцеляет Мурашко?

— Станный вопрос, — удивился министр. — Обследовать и вести больных. Вот представьте: вы получили новое лекарство. Его применение дает поразительный эффект. Разве это отменяет участие врача? Наблюдение, поддерживающее лечение... Кстати, о лекарствах. Химиотерапию применять прекращаем, высвободившиеся препараты отдадим в клиники для взрослых. Всем все ясно?

Участники совещания закивали. Так я стал работать по трем адресам. В понедельник отправлялся в Аксаковщину, два последующих дня практиковал в Минске, четверг и пятницу проводил в Боровлянах, где исцелял детей с ДЦП. Не скажу, что все шло гладко. Больше всего хлопот доставлял рак крови. Не лимфома с ее четкой локализацией, а лейкозы. Муторное дело. Для начала долгий поиск патологии в органах кроветворения, затем помощь им в возвращении прежних функций. Если

деток с «обычным» раком мог исцелить два десятка в день, то с лейкозами — троих или пятерых.

По моей просьбе в клиниках ввели сортировку больных. Сначала шли тяжелые в терминальной стадии, после их исцеления занимался остальными. Но процесс шел и приносил радость. Как и прежде, я являлся к деткам с гостинцами. Пока те жевали конфетки, работал. Но с тяжелыми этот номер не проходил — времени требовалось больше. Я облачался в халат и бахилы, надевал перчатки и хирургическую маску. Врачи отводили меня к больному и выдавали за коллегу из Москвы. Я делал вид, что обследую пациента, сам же занимался исцелением. Иногда это занимало час или два.

Разумеется, сохранению тайны это не способствовало, тем не менее ее блюли — и врачи, и средний медицинский персонал. Не из страха. Как сказала мне заведующая отделением онкологии: «Как иначе, Михаил Иванович? Вот узнают в Москве — и заберут вас. Кто станет исцелять наших деток?» Информация все же просочилась, но об этом позже. Для начала любопытная история.

Это случилось в декабре. Как-то вечером в нашей съемной квартире долго и протяжно зазвонил телефон — межгород. Этот номер знали многие — нет смысла таить, скоро в свою квартиру переберусь, потому звонок не удивил. Я снял трубку.

— Господин Мурашко? — спросил мужской голос. Неизвестный абонент говорил по-русски, но с заметным акцентом.

— Да, — подтвердил я.

— Меня зовут Серхио, Сергей Иванович по-вашему, — представился собеседник. — Я потомок русских эмигрантов. В настоящее время — советник посольства Аргентины в Москве. Наслышан о вас. У меня такой вопрос: вы исцеляете слепоту?

— Не доводилось, — признался я. — Хотя можно попытаться. Сколько лет пациенту?

— Пациентке. Это девушка, восемнадцать лет.

— Слепота полная или частичная?

— Различает день и ночь, а еще фигуры людей.

Значит, зрительный нерв не умер окончательно.

— Тогда стоит попытаться. Привозите, посмотрю. Но гарантий не даю — до сих пор этим не занимался.

— Договорились, Михаил Иванович, — обрадовался Серхио. — Сколько это будет стоить?

— Консультация бесплатная, гонорар обсудим на месте. Не волнуйтесь, не разорю.

— По этому поводу беспокоюсь меньше всего, — сообщил Серхио. — До встречи!

Он позвонил спустя неделю — тоже вечером.

— Мы в Минске, — сообщил, поздоровавшись. — Что делать?

— В первый раз в городе? — поинтересовался я.

— Да.

— Тогда, видимо, вы захотите осмотреть достопримечательности белорусской столицы. Предлагаю начать с площади Победы. Берите такси и приезжайте. Встретимся возле Вечного огня.